

Была родительская суббота. Хотя, может, и не родительская вовсе, и даже не суббота, и Мышильда все выдумала, чтобы умыкнуть меня с работы. Впрочем, я ничего не имела против. В работе наступил мертвый сезон: июль, богатые люди — а мои клиенты богатые люди — отдыхают на курортах с громкими названиями, а не сидят в пыльном душном городе, где асфальт на улицах плавится от жары.

Я тяжело вздохнула от сочувствия к себе, так как в отличие от своих богатых клиентов плавилась в городе вместе с асфальтом. Чтобы поднять себе настроение, я закинула на стол ноги и стала их рассматривать, точнее, созерцать. Подобной красоты мне никогда не приходилось видеть. Настроение незамедлительно повысилось, я погладила свои коленки, улыбнулась и сказала:

— Чудо что за ноги. — И добавила: — Чтоб им всем провалиться! — Такая немилость относилась к мужской половине человечества. Всех

ее представителей я не жаловала в принципе. При мысли о них настроение сразу же испортилось, тогда я торопливо перевела взгляд на зеркало, увидела свое отражение, улыбнулась ему, подмигнула и пропела: — Красавица. Принцесса... нет, королева.

Хорошее настроение быстренько вернулось. Тут зазвонил телефон. Я откашлялась и не спеша подняла трубку.

— Слушаю, — пропела я бархатным голосом, и, как оказалось, совершенно напрасно: на том конце провода был не предполагаемый клиент, а мой последний муж. Вообще-то он уже не был мужем три месяца, но все еще им числился, из-за того, что я никак не могла выкроить время и оформить развод. Итак, последний муж громко засопел, потом вздохнул, потом сказал тихо:

— Лизанька...

— Ну? — спросила я. Звонок настораживал, потому как последнему звонить мне было совершенно незачем. Правда, мелькнула шальная мысль, что он смог сделать что-то путное, то есть пошел и подал на развод сам, но в это как-то не верилось. И правильно. Еще раз тяжело вздохнув, он скороговоркой выпалил:

— Лизанька, я хочу вернуться.

— Куда? — не сразу сообразила я.

— К тебе, — ответил он, а я гневно отрезала:

— Ни за что!

— Ты не можешь меня бросить вот так, совершенно неожиданно... И вообще...

— Как это неожиданно? — возмутилась я. — Я предупредила тебя за два месяца, а потом дважды назначала испытательный срок, хотя прекрасно знала, что только зря теряю время. И что? Вместо благодарности ты вдруг заявляешь, что я бросила тебя неожиданно, да еще хочешь вернуться! Это бессовестно, вот что... — Я резко выдохнула и стала перемножать в уме трехзначные цифры, с цифрами у меня проблемы, и это отвлекает.

Из трубки раздалось подозрительное хрюканье, потом тихое постанывание и вновь хрюканье.

— Ты что там делаешь? — насторожилась я.

Последний, не таясь, всхлипнул и запричитал голосом обиженного ребенка:

— Лиза, я покончу с собой...

— Как, интересно? — съязвила я. За три месяца он кончал с собой раз двадцать, причем каждый раз так глупо и неудачно, что у меня чесались руки помочь ему и разом прекратить все это.

— Лиза... — простонал он очень громко.

— Иннокентий Павлович, — ядовито начала

я. — Вы как адвокат должны знать, что подобное поведение называется шантажом...

— Мне все равно, как это называется, я хочу вернуться. Я сейчас стою на балконе, и одного твоего слова достаточно...

— Стой, — перебила я. — Ты имеешь в виду наш балкон?

— Да, — жалобно ответил последний, а я вздохнула:

— Кеша, я тебя умоляю, у нас первый этаж. Я согласна: балкон расположен достаточно высоко, но не настолько, чтобы ты мог разбиться. Внизу кусты, это смягчит удар, и ты уж точно не разобьешься, зато исцарапаешь лицо и руки и будешь выглядеть совершенно нелепо. К тому же ты уже дважды прыгал с нашего балкона и даже руку не смог сломать.

— Ты бесчувственная, — растягивая слоги, сказал Иннокентий Павлович и зарыдал, а потом ехидно добавил: — Я могу подняться на крышу. У меня есть ключ от чердака.

— О господи... — Я смотрела на свои ноги, но даже это не помогало. — Чего ты хочешь?

— Еще один испытательный срок, — довольно сообщил он.

— Зачем, ты все равно его провалишь.

— Нет. Я чувствую в себе силы. Я люблю тебя и чувствую в себе силы. — Он вроде бы развеселился, а я окончательно скисла и сказала:

— Ладно.

— Когда ты переедешь? — быстро спросил он.

— Завтра, — отмахнулась я.

— Ну, почему же завтра? — начал канючить он, но я решительно его пресекла:

— Завтра.

Он сник и, посопев немного, осведомился:

— Мне за тобой заехать?

— Когда?

— Завтра...

— Я и сама способна добраться...

— А вещи?

— А вещи незачем таскать с места на место.

Ты все равно провалишь...

— Я чувствую в себе силы...

Я повесила трубку и выругалась, хотя с понедельника начала новую жизнь, где всяким там выражениям не было места. Я дала себе слово быть леди, а леди не выражаются. И вот пожалуйста...

— Полное дерьмо, — сказала я громко, в этот момент дверь распахнулась и в комнату просочилась Мышильда. На самом деле ее звали Машкой и она была моей двоюродной сестрой.

Я взглянула на нее и скривилась. Если честно, глядя на сестрицу, я неизменно поражаюсь, как подобное создание могло появиться в нашей семье. Дед наш славился тем, что зубами мог

поднять мешок соли, вытаскивал телеги из грязи без видимых усилий, плотничая, таскал по два здоровенных бревна. Мой родитель тоже прославился, правда, на свой лад: он мог выпить ведро самогона и не умереть. В конце концов все-таки умер, но лишь потому, что многократно увеличил дозу. Из родственников мужского пола не могу припомнить ни одного, кто был бы ниже двух метров. Впрочем, родственников мужского пола оставалось немного. Их косила неумемная тяга к алкоголю. Женщины были под стать мужчинам и на мешки с картошкой и прочую дребедень посматривали с неизменной усмешкой, а при случае могли бы гнуть подковы, но просто не видели в этом необходимости.

Мышильда была в семье белой вороной, точнее мышью, и не белой, а рыжей. Рост у нее средний, а по нынешним меркам ниже среднего, а общий вид какой-то худосочный, наводящий на мысль о бледной немочи и прочих болезнях. Бюст и зад отсутствуют практически полностью, зато плечи торчат, точно вешалка в шифоньере. Ноги могли бы выглядеть вполне прилично, умеи она ходить на них, но Мышильда любит высокие каблуки, при этом шаркает и бредет на полусогнутых. Лицом сестрица походит на подопытную белую мышь — вострень-

кая, смышленная, с глазками-бусинками, светло-рыжими ресницами и бровями, пятнами веснушек по всей физиономии и неопределенного цвета волосами, собранными на затылке в тощий хвост. При такой внешности сестрица, ко всему прочему, всегда отличалась некоторой врожденной злокозненностью и склонностью к ехидству.

Мышильда просочилась в комнату, а я, взглянув на сестрицу, подумала в очередной раз: «В семье не без уроды». Росли мы с ней как бы в одной семье, мама Мышильды, сестра моего отца, работала проводницей и часто отсутствовала, а ее отец, подобранный тетушкой на каком-то полустанке, лет через семь после рождения дочери поехал навестить родню, да так никогда больше и не возвратился в лоно семьи. Для лона семьи, впрочем, это была большая удача. Дядю я помнила смутно, но, надо полагать, Мышильда пошла в него, ибо не было в ней ничего от моей красавицы тетки.

— Поедем? — спросила сестрица, устраиваясь напротив меня; ко всему прочему, она дурно воспитана и вечно забывает здороваться.

— Здравствуй, — вздохнула я.

— Ну, здравствуй, — нахмурилась она, при этом ее нос стал до того остреньким, что мог бы с легкостью проткнуть крышку моего стола.

Конечно, и из Мышильды моими стараниями вполне можно было бы состряпать нечто путное, но она неизменно отказывалась от моих услуг, предложенных от души и безвозмездно, исключительно с целью придать семье достойный вид, чем, естественно, раздражала меня еще больше.

Мышильда повертела головкой, постреляла глазками и спросила:

— Настроение плохое, да?

— Да, — кивнула я.

— А отчего?

— Иннокентий Павлович звонил. Хочет прыгнуть с балкона.

— Опять с вашего? Ну, это смешно, в конце концов.

— У него есть ключ от чердака.

— О господи... И что?

— Дам ему еще шанс.

— Толку от этого не будет.

— Зато я чувствую себя такой благородной.

— Как это вообще можно: дать кому-то шанс стать мужчиной? Что это вообще значит?

— Это значит не рыдать на моей груди трижды в день по поводу, а также без повода.

— Может, ему в самом деле лучше на чердак слазить?

— Как ты можешь? — нахмурилась я. — Ни-

когда не замечала за тобой особой кровожадности...

— Да я так... к примеру. И что, пойдешь жить к нему?

— С ума я сошла, что ли? Просто не знаю, что делать, — не выдержала я.

— Ага, — кивнула Мышильда и не без ехидства заметила: — Я тебе сразу сказала: вы не пара и ничего путного из твоего замужества не выйдет. Как сказала, так и получилось.

— Точно. Накаркала, одним словом, — согласилась я.

— Я не каркаю. И вообще... где были твои глаза?

— На том же месте, где и сейчас, — вздохнула я и призадумалась.

Воспоминания унесли меня в тот день, когда я увидела последнего мужа впервые. Моя подруга судилась со своим мужем из-за имущества, которое требовалось разделить поровну, но у каждой из сторон были свои представления о половине, и дело застопорилось, вот тогда подруге и посоветовали адвоката, ловкого и чрезвычайно удачливого. Им оказался Бельский Иннокентий Павлович, мой дражайший супруг, ныне собирающийся в очередной раз упасть с балкона. Тогда он меня просто поразил: энергия била в нем через край. Остроумие

прямо-таки сверкало, а о роли женщины в современном мире он говорил так, что выжимал из меня слезу. Само собой, я не смогла пройти мимо такого сокровища. Судебный процесс моей подруги он выиграл, а мы поженились.

Дома Кеша тоже много говорил: горячо и убежденно, правда, все больше о своей незавидной доле. Он уставал от работы и непонимания, ему требовался душевный комфорт и тихая пристань... Моя доля тоже стала через некоторое время незавидной, и я покинула его. С тех пор он затевал неудачные самоубийства, и мне приходилось несколько раз к нему возвращаться. Это было довольно громоздко, в том смысле, что, покидая нашу общую с Иннокентием Павловичем жилплощадь, я могла устроиться лишь в одном месте: нашей опять же общей с предпоследним мужем квартире. На это время мой предпоследний муж вынужден был переселиться в квартиру своей мамы, эта квартира пустовала, но располагалась у черта на куличках, что само по себе было неудобно. В общем, из-за глупого поведения последнего мужа мы с предпоследним находились в постоянных переездах, что, разумеется, настроения никому не прибавляло. Сейчас я не намерена была переезжать, даже если Иннокентий Павлович покажет мне ключ от чердака и заберется туда. Именно

это я и сказала Мышильде. Та хмыкнула и полезла за сигаретами. Это худосочное создание имело бездну пороков, например, сестра без конца курила, чем доводила до бешенства меня, сторонницу здорового образа жизни. Я ткнула пальцем в табличку «Извините, у нас не курят», а Мышильда с кривой усмешкой сказала:

— Да ладно...

— Вышвырну, — заверила я. Она вздохнула и убрала сигареты, пробормотав:

— Пакостный у тебя характер, Елизавет Петровна. Оттого все твои мужики либо с катушек съезжают, либо впадают в пьянство.

— Хорошо хоть есть кому впадать, — не осталась я в долгу. — У некоторых сроду не было не только мужа, а и просто приличного мужика, и это несмотря на критический возраст. — Сестрица была старше меня и сейчас заметно скривилась. Потом поднялась со стула и сказала:

— Поехали, что ли?

Собирались мы на кладбище, навестить усопших родственников. Набралось их, к сожалению, предостаточно, преимущественно мужчин, которых, как я уже сказала, косила страсть к зеленому змию.

— Поехали, — ответила я и встала из-за стола.

Мышильда, задрав голову, посмотрела на меня с плохо скрываемым уважением. Тут надо,